

от него иного, допускает и то, чтобы «отличное» обладало удовольствием как тем, что присуще «отличному», не являясь созданным им самим. Без этого допущения Благо не могло бы рассматриваться как «начало всего сущего», которое интерпретируется нами как «то, от чего все сущее отличает себя». Без Блага в рамках предпосылок системы Плотина не может существовать также и «то, что отличает себя от него», так как в этом случае ему не от чего себя отличать. Таким образом, тождество Блага с абсолютной свободой не только не подразумевает обладания удовольствием, но противоречит ему, что также может рассматриваться как мотив для «падения души» в чувственный мир.

Итак, «нисходя» в чувственный мир, душа пытается заместить недостижимую абсолютную свободу ее «суррогатами» — «замкнутостью» и «ограниченностью», но такая попытка приводит к уменьшению той, с точки зрения Плотина, действительной свободы, которая у нее имела до «падения» (а у эйдоса — до его «отличения» себя от Блага). Ограничивая в «падении» свои познавательные и другие способности, душа совершает «рискованный поступок», последствия которого узнать «заранее» невозможно — ведь в системе Плотина чувственный мир является в значительной степени неопределенным и непознаваемым миром — в нем нет ничего истинно сущего, которое одно лишь может мыслиться совершенно точно, и Душа рискует получить в результате «падения» не иллюзию свободы, а напротив, ограничить все свои способности и приблизиться по своей «бессильности» к чувственной материи, что в действительности означает уменьшение степени ее существования и степени ее свободы. Чем «бессильнее» становится душа по мере своего «погружения во внутреннее», тем, по Плотину, труднее ей встать на путь «возвращения» или «восхождения» в мир Ума; таким образом, душа рискует еще и получить в результате своего стремления к замкнутости и уединению вечное «заклечение» в материальный мир.

К. В. ЛОПАТИНА

ТОЖДЕСТВО ЭМАНАЦИИ БЫТИЯ И ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ПЛОТИНА

Традиционная философская концепция — это совокупность ответов на ряд многочисленных вопросов, в том числе на два основных: что такое бытие, какова его природа и форма существования, а также возможно ли познание бытия, как происходит процесс познания и каков инструментарий, обеспечивающий его возможность и действенность. В свете такого понимания философия Плотина отнюдь не традиционна.

Плотин, подобно некоторым предшествующим и последующим мыслителям, не затрагивает вопросов познания, но это происходит не потому, что он не задумывается над ними, а лишь в силу признания того, что познание присуще самому процессу бытия, бытие и познание тождественны, ввиду чего познание составляет его неотъемлемую сущность.

Существуют два момента коренной установки неоплатонизма: онтология должна быть иерархичной, а ее разработка систематичной. Не отклоняясь от этой установки, Плотин и формирует свою онтологическую картину. Установив примат духовного бытия над материей, Плотин стремится представить иерархичную структуру духовного бытия, выводя низшие ступени из высших. Его онтологическая

картина — тринитарная иерархия познающего бытия. Ипостаси платиновской триады — это безличные сущности, закономерно спускающиеся вниз от абсолютного света к теням.

Вершиной иерархии предстает Единое. Природа Единого неопределенна, и только простота и абсолютное единство являются его атрибутами. Единое стоит как выше бытия, так и выше мышления, однако все существующее либо непосредственно, либо опосредованно наделено от него бытием и способностью мышления, что свидетельствует о насыщенности Единого потенциями всего сущего, которые актуализируются в низших по отношению к нему ипостасях. Эта переполненность Единого всевозможными потенциями с необходимостью приводит к «истечению» из него, и, таким образом, согласно Плотину, творение мира Единым понимается как эманация, в процессе которой Единое ничего не утрачивает и не теряет присущей ему целостности.

Иное, происшедшее в результате переполненности Единого, устремляется, обращается к нему и получает всю полноту бытия, а так как в момент обращения к Единому оно еще и созерцает себя, это иное становится Умом. В силу того, что Ум созерцает Единое и оно всегда ему присуще, Ум есть бытие, в силу того, что Ум мыслит сам себя, он является умом, и, наконец, сам, обладая бытием и его созерцая, Ум есть и бытие и ум вместе, т. е. тождество бытия и мышления. Ум тождествен всей совокупности идей, которые мыслят самих себя, при этом мышление на уровне Ума — это не дискурсивная деятельность рассудка, а интеллектуальное созерцание. На этом процесс эманации не завершается и в продолжение «истечения» Единого «изливается», переизбытывая своими силами Ум, рождая тем самым новое существо — происшедшую от субстанции и мысли Ума Мировую душу.

Если Единое и Ум, производя Ум и Душу соответственно, остаются недвижимыми и неизменными, то Душа, не пребывая всецело в себе, производя свой образ, отдается движению. Душа одновременно обращена к своему началу, которое наделяет ее бытием, и производит животную и растительную природу, вдыхая в них жизнь. На уровне Души объект мысли и субъект расходятся, т. е. мышление становится расчленяющим, дискурсивно-логическим.

Таким образом, каждая новая ступень бытия, образующаяся в процессе нисходящей эманации менее совершенна по сравнению с предыдущей, что в первую очередь проявляется в увеличении степени раздробленности единства, которое сопровождается усложнением процесса мышления как способа познания: от простой мыслительной природы через созерцание к дискурсивно-логическому мышлению.

Истинное бытие, по Плотину, — это духовное бытие его триады, которое становится доступным в результате принятия высшей и истинной природы духовных сущностей и несовершенства и праздности вещественного. Достижение этого принятия возможно благодаря самопознанию. Самопознание в первую очередь открывает нам несовершенство окружающей нас и восхваляемой нами вещественности и характерность для нас высшей природы, а также удостоверяет в существовании единой универсальной души, от которой и происходит наша и любая другая индивидуальная душа. В свете того, что душа осуществляет целую систему идей, она указывает на существование высшего над ней начала — вечного и совершенного Ума как совокупности всех идей. Так как Ум являет собой тождество бытия и мышления, он предполагает высшее над ним начало — Единое, которое, возвышаясь и над бытием, и над мышлением, является причиной их обоих.

Итак, чтобы узреть Единое, необходимо путем самопознания проникнуть как можно глубже в свою душу и отыскать в ней высшую природу, тем самым убедившись в приличности и уместности предаться познанию — созерцанию совершеннейших ипостасей: Ума и, наконец, Единого. Но это познание — созерцание и есть истинное бытие, которое движется к Единому как основе и истоку всего истинно сущего, встречая сложное и множественное. Вместе с тем как бытие на пути своего

восхождения упрощается от множественного хаоса к чистому единству, упрощается и тождественное бытию познание.

Таким образом, тождество эманации бытия и познания определяет становление истинного бытия как процесс познания — созерцания высшей сущности, причины и необходимого основания всего — Единого.

М. С. БОБРОВА

ЛОГИКА ЭМАНАЦИИ И ВОЗВРАЩЕНИЯ СУЩЕГО В «ПЕРВООСНОВАХ ТЕОЛОГИИ» ПРОКЛА

Трактат Прокла «Первоосновы теологии» посвящен поиску логоса сущего. В этом трактате Прокл исследует основания, исходя из которых систематизируется все сущее по отношению к единому началу. Видеть все вещи в системе их отношения к началу всего — значит видеть их сущность.

Почему следует усматривать во всяком множестве его причастность единому? Чтобы обосновать это, Прокл допускает обратное и рассматривает множество, никак не связанное с единым, не причастное ему. Такое множество не есть целое. Невозможно сказать, множеством чего оно является. Следовательно, оно лишено целостности и в этом смысле не существует.

Но, возможно, множество вне единого существует как состав из еще более мелких множеств? Но если этот состав не причастен единому, то каждая из его составляющих делима до бесконечности. Ни на одном из этапов деления невозможно обнаружить предел — и деление уходит в бесконечность. Таким образом, каждая составляющая бесконечна, беспредельна в себе самой. Количество этих составляющих, не определенное единым, будет также бесконечно. Таким образом, лишенное единого множество будет составом из бесконечного числа бесконечных. Состав, каждая составляющая которого бесконечна, или беспредельна, не имеет определенных, т. е. действительно сущих составляющих. Эти составляющие гипотетические, а не сущие. Количество неопределенных составляющих так же бесконечно и неопределенно. Следовательно, такой состав не есть сущее. Множество вне единого не может существовать. Значит, единое предшествует множеству и есть его исток. Если множество существует, то само его существование указывает на единое в нем.

Почему единое есть начало множества? Единое начало определено само через себя, а не через противопоставление себя множеству. Единое, которое стало единым благодаря своему отличию от множества, не есть единое как таковое. Оно есть единое в отличие от множества, другими словами, единое, находящееся в связи с множеством. Хотя эта связь есть различие, тем не менее такое единое не автономно от множества, но погружено в него.

Прокл рассматривает начало, в котором множество и единое одинаково первичны. Что связывает их? Если они связаны благодаря единому, то объединившее их единое и есть их начало. Если они различны, то в начале присутствует дуализм. Значит, начало определено через множество, т. е. двойственно. Но всякое множество существует благодаря причастности единому. Следовательно, единое, предшествующее всякому различию, есть начало всего.

Тем самым доказана необходимость рассмотрения множества в его причастности единому. Множество имеет существование от единого и в связи с ним.